

18+

АНТОЛОГИЯ ТЁМНОЙ ПОЭЗИИ

ХАУКУ

УЗ

БЕЗДНА

III ХОРРОР-ХАЙКУ

РЕДАКТОР ОРЕГУ ХАДЗАНОВУ

Орегу Хадзанобу Хайку из бездны. 1111 хоррор-хайку

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69871216
ISBN 9785006054950*

Аннотация

Хоррорку (хоррор + хайку) – это давно уже устоявшийся поджанр хоррора, но только это разновидность не прозы, а поэзии. Хоррорку – как и японское хайку – традиционно состоит из 17 слогов. Каждое стихотворение записывается в три строки и состоит из трёх ритмических частей по 5-7-5 слогов. В книге собраны 1111 хайку – 1111 фотоснимков ада, кошмаров и безумия. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ХОРРОРКУ	8
КОНСТАНТИН ВОЛКИЧЕВСКИЙ	8
МАНЯ ХАРИСХ	33
АЛЕКСАНДР ПОДОЛЬСКИЙ	38
ДМИТРИЙ КВАШНИН	40
КАССАНДРА ТАРАСОВА	41
РОМАН ДРЕМИЧЕВ	57
АНТОН ФИЛИПОВИЧ	59
НИКА ПРИСТАВКА	64
АНДРЕЙ ЛОСКУТОВ	65
МАКСИМ ГОРЕНСКИЙ	87
СВЕТЛАНА ЯКУБА	88
АНДРЕЙ БОРОДИН	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Хайку из бездны 1111 хоррор-хайку

Редактор Орегу Хадзанобу

ISBN 978-5-0060-5495-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Литературный клуб «ХОРРОРСКОП» представляет

ет

Хайку из бездны. 1111 хоррор-хайку (антология тёмной поэзии)

редактор Орегу Хадзанобу

Все права защищены. Только для частного использования. Коммерческое и некоммерческое воспроизведение (копирование, тиражирование, распространение, сдача в прокат, переработка, использование идей и персонажей, публичное исполнение, передача в эфир, сообщение для всеобщего сведения по кабелю, доведение до всеобщего сведения в сети Интернет) без разрешения правообладателя запрещены.

© Авторы, текст, 2023

© Орегу Хадзанобу, составление, 2023

© Флай Д., обложка, 2023

Компьютерная вёрстка Горан Лумо

ПРЕДИСЛОВИЕ

В антологии, которую вы сейчас держите в руках, мы продолжаем экспериментировать с *хоррорку*. *Хоррорку* (хоррор + хайку) – это давно уже устоявшийся поджанр хоррора, но только это разновидность не прозы, а поэзии. *Хоррорку* – как и японское *хайку* – традиционно состоит из 17 слогов. Каждое стихотворение записывается в три строки и состоит из трёх ритмических частей по 5-7-5 слогов. Экспериментировать с этой формой мы начали два года назад, и результатом этого эксперимента стала антология «Хоррорку: 1111 хоррор-хайку».

В новом томе мы решили не ограничиваться только *хоррор-хайку*. Все *хайку*, опубликованные в данной антологии, сначала были опубликованы в соцсети. Любой участник нашего сообщества мог прокомментировать любое *хоррорку* в виде нерифмованного двустишия по 7 слогов в каждой строке. В этом случае текст автора трёхстишия становился *хокку*, а комментарий в виде двустишия – *агэку*. Таким образом, оба автора становились своеобразными соавторами. Их общее пятистишие принято называть *рэнку*. Или в нашем случае – *хоррор-рэнку*.

Но на этом наши авторы решили не останавливаться, и как-то само собой появилась новая поэтическая форма, которую с вашего позволения я назову *хоррорку-новел-*

ла. *Хоррорку-новелла* представляет собой поэму, состоящую из нескольких *хайку*, соединённых между собой общей темой и сюжетом.

Благодарю всех *хоррордзинов* первой антологии, согласившихся снова поучаствовать в этом проекте, а также приветствую новых участников нашего сообщества, решивших попробовать свои силы и в итоге попавших в этот том, за труд, помощь и поддержку в развитии проекта.

Но мы с вами не прощаемся. Пока пишутся эти строки, у нас завершается отбор в наш третий поэтический том, который мы назовём «Апокалипсис в трёх строках». Надеюсь, что в следующий раз мы сможем опять вас чем-нибудь удивить.

Орегу Хадзанобу

2 сентября, 2023 г.

ХОРРОРКУ

КОНСТАНТИН ВОЛКИЧЕВСКИЙ

Видел лес много
смертей. Шепчет листвой о
них – но все глухи.

Безглазым лицом
плачет небо. Ночью бог
вырвал все звёзды.

Нож. Лик убийцы.
Застыл размытый стоп-кадр
в зрачке мертвеца.

Сидит за окном
мышь летучая хищно,
размером с лошадь.

В пальцах костлявых
смычок. Скрипач вышел на
бис с того света.

Ремни не порвать.
Коса маятника всё
ниже и ниже.

Лицо из стены
стонет в муках: «Уходи,
или примкнёшь к нам!»

Закат мира. Древ
алых кроны. Листопад
радиации.

За лазаретом
яма. Фельдшер бессилен —
брат идёт к брату.

В сети катакомб
эхо плача. Скрип ногтей
в закрытом гробу.

Смеюсь последним
в петле. Меня – за ногу,
вас же – за шеи.

Путь в солончаках
проложен по лохмотьям
и хрупким костям.

Когда гарь фабрик
затмит небо, на троне
задохнётся бог.

Кости в подвале
таверны – вот где стелет

трактирщик гостям.

Улыбка в ночи.
Незванный гость. Полон рот
краденых зубов.

Деревьев вокруг
нет, но слышу вдруг: ветки ль
в окно мне стучат?

Восходит луна.
Стопа в плену между скал.
Я слышу прилив.

К двери чулана
льнёт дитя, зная: скоро
друг выйдет играть.

Подушку прижал

к лицу супруги. Скоро
спокойно вздохну.

В склепе подводном,
дней закат ожидая,
грезит мёртвый бог.

Наркоз, яркий свет.
Маски без лиц, без сердец
лечат от жизни.

«Найду ль я покой?
Дай ответ мне, о ворон!»
Увы – «Никогда».

Не видно ни зги.
Просыпаюсь. Крик глохнет
под толщей земли.

Пропало с поля
тыкв пугало. С ним – серп и
фермера семья.

Крови капли
вторит плач. Безутешно
дитя среди тел.

Бугрится земля
сетью вен, вскормив дивный
цветок из плоти.

Смог небо душит.
Тлеют души, как уголь,
в печах заводских.

Алый на белом.
Нож в тонких руках – рано
пришлось овдоветь.

На дне реки – крыс
кости и трупы детей.
Флейтист взял своё.

Сколь живы черты!
Тихий стук. Быются сердца
фигур восковых.

В ней мёртв человек —
лишь страстью движим тела
разбитый фарфор.

«Одиноко», – губ
бледных зов бессловесный
с болотного дна.

Ножа взмах. Затих
детский плач. Кровь на чёрной
козы копытах.

Мор. Страх. Трупов смрад.
Закат века людей. Крыс
черёд править бал.

Утих мерный скрип
с ударом оземь глухим —
удавка сгнила.

Снег. Мрамор плоти.
Ждёт весны алый иней —
ручьём крови стать.

Где суженый мой?
Уж который год жду я
под мутной водой.

Ждать стук человек
последний не стал. Выстрел
не слышал никто.

Полвека пью грязь,
ловлю крыс. Вы забыли
меня. Я вас – нет.

Надписи вижу
наоборот. Злорадный
взгляд отраженья.

Сетей полог. Шум
жвал и лап. Треск коконов.
Пища потомству.

Чердак. Звон цепей.
Тайна семьи. Голоден
отпрыск ущербный.

Сжав пентаграмму,
ждёт родов мать. Рогами

сын выйдет в отца.

Гладит живот. Крест
в руке перевёрнут. Ждёт
в чреве Мессия.

Молитву прочёл —
дочь плачет гноем. Шея
под странным углом.

Талая кровь. Из
холодильника стоны
пропавших детей.

Взгляд отвёл — и вот
твари из камня, щеря
клыки, смотрят вслед.

Скелет в шкафу у

каждой есть дамы. В её —
бывшего мужа.

Луна. Вой. Струны
слюны. Хруст – вывернулись
назад колени.

Жёлтый свет. В спине
крюк. Кровосток. В фартуке
мясник точит нож.

Гул с того света —
по мою душу звонит
колокол смерти.

Делать вас больше,
чем человеком, начнём
с ампутации.

Нищие знают
о том, кто издревле спит
в городских стоках.

Луч света. Глаза
как блюда. Пробы плоти.
Вернут по частям.

Вымер весь город:
плоть с костей содрав, прошлась
стая саранчи.

Моя же рука
мне в горло впилась. Топор
взял — быть мне левой.

Ночь. Топот копыт.
Тень пронеслась в поисках
головы тщетных.

Треск костра в чаще.
Пляска. Песнь. Кровь прими в дар,
не гневайся, лес.

Травля. На шее
петля. Ночью плачет тень
за задней партой.

Лес. Я и она.
Недолго. Несчастливо.
Умрём в один день.

Мышц множества спазм.
Курган плоти. Сонм пастей
алчет новых тел.

Золото листьев.
Алый закат. Вспрял ото
сна двор неблагой.

В подвале стучат
«SOS» морзянкой по трубам
уже сорок лет.

Прочёл вслух книгу
из детской кожи. Тотчас
серы чую смрад.

Весь свет на небе
пожрала бездна злобы,
что гложет меня.

Бессильно смотрю —
порча сверлит мне в теле
дыру за дырой.

Бьётся алая
птица в неволе, грозясь
сломать рёбер клеть.

Дом на отшибе —
маска. Под ней смерти лик —
кровавый подвал.

В тумане тени
без лиц и имён. Тихий
шёпот всё ближе.

Удары рук по
корке льда. С немym криком
выходит воздух.

Воля без тела
устала быть пустотой —
наденет моё.

С тех пор, как сгнила
в колодце вода, слышен

хрип детский со дна.

Гроб. Плач семьи. Дождь
лёт – то скорбят тени тех,
кто раньше ушёл.

Дом пуст, старик – мёртв,
но порой видят ночью
лик бледный в окне.

Хрип, всплыть попытки —
тянет под воду мёртвый
хват рук незримых.

Крик женский. Ручей
алых брызг. По мостовой
шагов быстрых стук.

Чай в чашки разлил.

Сидим за столом. Опять
не пьёт труп жены.

Лапка за лапкой
в ухе спящего скрылся
хвост многоножки.

Саван кровавый
парит. Знаю: отдёрну,
увиджу – умру.

Связан на камне.
Круг масок. Гулкая песнь.
Нож, кровь. Меркнет свет.

Клад сокровенный
на дне прячет сирена —
кости матросов.

Зудит на лице,
червями вгрызлась в кожу
смоль тонких волос.

Крик козодоев.
Над фермой смрад гнили – ест
жуткий сын ведьмы.

Впилась в ногу кисть
мертвеца – «Не тревожь мой
последний приют!»

Прошлого тени
в пассажирском сиденье.
Шоссе в никуда.

Огни глаз. Пальцы —
паучьи лапы. В детской
пуста колыбель.

Ночью старуха,
в окна смотря, у спящих
крадёт дыханье.

Скромны пожитки
ведьмы болот: котёл, нож,
три ряда зубов.

Трогая жабры,
спускаюсь в море. На дне
ждут меня предки.

Факел коптит. Лязг
стальных когтей. Тюремщик
здесь – не человек.

Затмил солнце шар
плоти. Земля летит в пасть
голодной звезды.

Штрих кистью – алым
будет натюрморт, пока
не свернётся кровь.

Гром. Шум машин. Треск
лейденских банок. Искрит
плоть, жизнь обрета.

Корабль в плену льдов.
Еды нет. Тянем жребий,
кто первый под нож.

Закат. Трапеза
монахов. В бочках нектар
ал, солон, горяч.

У них нет глаз – так
как могли они видеть,
что я согрешил?

Город книг хранит
имена всех, кто убьёт
иль уже убил.

Смыкаю глаза —
хрип, вздохи слышу. Каждой
ночью — всё ближе.

Огнём яд жжёт плоть.
Клубок змей алчно вяжет
узор укусов.

Где бы ты ни был,
око Творца всё видит,
помнит, не простит.

Голос в помехах
знает имя моё. Он

хочет на волю.

Шприц ввёл в утробу
девы алхимик. Шедевр
вырастет в чреве.

Вымер прибрежный
город. Чайки рвут трупы
китов и людей.

Дыша огнём, пёс
чёрный из ада пришёл
по душу мою.

Правосудие
пахнет гарью волос и
палёной плотью.

Вернуться домой?

Вздор. Осторожно, двери
закрываются.

В топях невеста
ждёт того, кто дерзнёт под
фату заглянуть.

Дал ночной спутник
деве новую жизнь и
новую жажду.

Утрата – что червь:
начав с сердца, терзает
и жрёт изнутри.

Плоть сбросив, громко
клацал череп, а хребет
свернулся змейй.

Жатва наполнит
красками лес. Самайна
ждёт рогатый бог.

Зал. Люди в чёрном.
Большая игра. Пешки
ход – сотня смертей.

Извечный фарс сфер
и теней пишет кровью
слепой драматург.

Прощальный поклон!
Прима покорна: дёрнул
за нить кукловод.

Бой часов мелет
в прах тело жерновами
прожитых минут.

«Дама, иссякла
краска для роз!“ – „Сойдёт и
кровь. Головы с плеч!“»

День мгла объяла.
Солнце бросило мир в звёзд
тисках ледяных.

Смерти холст – охра
гноя, пятен кармин и
белила костей.

Один среди звёзд.
Слышно только дыхание.
Темнеет в глазах.

МАНЯ ХАРИСХ

Чудной, шумный век.
От гложащих кошмаров
проснётся Фудзи.

В ночь Хэллоуина
тыквы кладут на поднос
череп людей.

Лежу на льдине
в открытом океане.
Лишь бы не солнце!

Темно, нет перил.
Не поскользнись, сделав шаг.
Помни Гигера.

Я в книге прячусь.

Открой, дай своё сердце
пронзить зубами.

Ешь творог, внучок!
Окрепнут кости – из них
избу построю.

Держусь за ветку.
Волки окружили ствол,
а в небе гроза.

Ты – раб зеркала.
Что оно продиктует,
то и сделаешь.

Сквозь кожу корсет
сросся с позвоночником.
Бал длится вечно.

Скончалась бабка.
Хотя б неделю кошки
сытые будут.

Не спится в гробу.
Качаю голову в такт
маршу Шопена.

Блестят под луной,
как серебряная цепь,
кости усопших.

Звуки погасли.
В наушниках заточки
вместо затычек.

— Создам красоту! —
лепит розы из ткани
мышечной хирург.

На дне колодца
увидишь тысячи звёзд
из людских костей.

Мост под ногой вдруг
затрещал в середине
между хребтами.

Ёкай Тойота
на асфальте всех живых
превращает в фарш.

Ямамба хранит
в самурайской голове
корм для ворона.

Ёкай раскромсал
на три части хайдзина,
ел семнадцать дней.

Девятьсот голов
забил опытный палач.
Пора в тренеры.

— Детка, ты больна?! —
из маминых рук выпал
томик «Хоррорку».

АЛЕКСАНДР ПОДОЛЬСКИЙ

Ищет влюблённых
Купидон сумасшедший.
Заберёт сердца.

Трещат в очаге
пропавших детей кости.
Ведьма наелась.

В свете экрана
мертвец разлагается.
Месяц стрим идёт.

Лепит Дед Мороз
игрушки волшебные
из плохих детей.

Дядька Черномор

утопленников ведёт
в дозор последний.

Набережная,
утилизация тел.
Встаю в очередь.

Застыли в земле
два скелета, обнявшись.
Жива их любовь.

Чужой на борту.
Не долетим до Плюка.
Где трансклюатор?..

Ожили ночью
памятники в городе.
Нет больше людей.

ДМИТРИЙ КВАШНИН

Бейся – не бейся,
но исход будет один:
разобьёшься сам.

Весь шарик в труху —
обязательно бахнем!
И лучше сейчас!

Кровавый закат,
после – сумрак тревожный
и череп средь звёзд...

КАССАНДРА ТАРАСОВА

Луна взошла вновь.
У окна неподвижен
скелет бесплотный.

Шаги за спиной
не смолкают. Никого
же нет позади!

«Ты опоздал!» – нет
страшнее слов этих. Час
последний пробил.

– Я скоро приду, —
голос с незнакомого
номера шепчет.

Проснулся дракон.

Гора изверглась лавой.
Всё сгорит в огне.

Пустая чашка.
Хозяйка гостю шепчет:
— Вас отравили.

Тени по стенам
проснулись. Тихо шепча
всё ближе ползут.

— Нет отраженья! —
воскликнул вновь восставший.
Зеркало пусто.

Дверь приоткрылась.
Звуки шагов раздались,
но нет никого.

Черчу нежно я
за линией линию
черепа милой.

Дыханье весны.
На могилах усопших
цветы ожили.

Там, на дне моря
корабля и команды
остовы гниют.

Одежда цела,
но от тела мужа лишь
скелет остался.

Уж шестьдесят лет
на могиле светится
крест кладбищенский.

Не град начался!
То глаза ледяные
летят с неба вниз.

Розы увяли.
Недолговечен их цвет.
Как и жизнь твоя.

Гладью черепов
подвал белеет дома.
Коллекции блеск.

Звезду с неба я
тебе достал – сгорела
дотла милая.

Зазвонил гулко
колокол над кладбищем.
Крест шевельнулся.

Туча тёмная
город накрыла. Дождём
смерти пролилась.

Первая любовь
лишь слёзы принесла. Я
отомщу тебе!

Листья сухие
с древа жизни улетят...
Смерть и зима здесь.

Лежу тихо я,
но шум в склепе услышал.
Гроб приоткрылся.

Библиотеки
тишь нарушил хулиган.
Затих навечно.

Перегорела
лампочка последняя.
Во тьме жить буду.

Услышав зов твой,
бегу, забыв всё, даже
с того света я.

Донные воды
нежно умоют собой
тела мертвецов.

Дом в центре парка.
Горит свет. Деревьев скрип.
Хотят войти внутрь.

Знаю я точно —
живёт в волосах моих

паук проворный.

Зов в лесу ночном
не смолкает, плачет. Но
никто не придёт.

Полночный пробил
час. На кладбище ведьма
идёт и плачет.

Вольный ветер не
понёс на крыльях меня.
Падаю вниз я.

Церковь пустая.
Реквием по мертвецам
орган заиграл.

Стучат из шкафа.

Не стоило покупать
антиквариат.

Поезд пуст, тёмен.
Последняя станция.
Остановка – Смерть.

Тихой топи гладь
затаилась, замолкла.
Путников ждёт здесь.

Омут глубокий.
Лента на глади водной
плавает тихо.

Зеркало трещит.
Впиваются глубоко
осколков зубы.

Колея узка.
Поезд скорый неловко
под откос пошёл.

Выжжен полностью
замок зачумлённый. На
небе всполохи.

Окна закрыты.
Солнца свет не проникнет.
Спит тихо вампир.

Паук плёл сети.
Бабочки глупые в них
попались быстро.

Кругом пустота.
Никого не вижу и
не слышу тоже.

Зарёю чёрной
накрыло город тихий.
Лишь смерть живёт там.

Рёв из подвала.
Детской крови напиться
демон там хочет.

Чёрную книгу
без спроса взял. Умер. Я
предупреждала.

На балконе стук.
Живу на двенадцатом.
Откуда гости?

Закрою глаза
тебе. Затихла, лежишь —
не живёшь больше.

Дева дикая
смеётся на поляне.
Платье всё в крови.

Быстрый удар, и
дуэль окончена! Я
вытираю трость.

Вот жизни конец.
Аккорд резкий оборвал
струну тонкую.

Вычёркиваю
строчку за строчкой. Тоньше
всё мести блокнот.

Стволы деревьев
дождь слезами окропил
по красе мёртвой.

Ковёр вычищен.
Кровь стёрла всю я. Теперь
пот утираю.

Усталость, страх, боль —
так всему в жизни этой
конец приходит.

Клетки ржавая
утроба не желает
скелет отпускать.

Короеды под
обоями едят дом
детства моего.

Сахар, мёд, крови
глоток. Что ещё в мире

может быть слаще?

Топор палача
ждёт. На эшафот иду.
Ясное утро.

Колос к колосу.
Срезает серп проворно
жизни стебельки.

Поле хлебное
кольцом огня пылает.
Голод грядёт так.

Череп дракона,
что на стене висел, вдруг
клацнул клыками.

Седьмой ребёнок.

Каменные ступени
монастыря ждут.

Тишина. Настал
момент прощания – и
слёзы лишь текут.

Души упрёки
не молчат – они скребут,
терзают, мучат.

Три дерева ждут
у обочины жертву,
чтоб выпить и съесть.

Сил больше нет, чтоб
прощение вымолить.
Тени лишь молчат.

Воспоминанье
в зеркале прошлого лишь
болью пронзило.

Стон над кладбищем —
то призраки слепые
покой всё ищут.

Холод потери
навечно с тобою – не
согреешь душу.

Никогда уже
не будет как прежде! Нет!
Больше никогда!

Шёпот за окном.
Знакомые голоса.
Не жду никого.

Бинты белые
в коридоре гробницы.
Хозяин не спит.

Привидение
в углу стоит уже час.
Позвать ли его?

Звон часов гулкий
отражается от стен.
С ума он сводит.

Умер заката
свет. Луна глазом бледным
за миром следит.

Последний вдох. На
водной глади пузыри.
Бездна зовёт вниз.

РОМАН ДРЕМИЧЕВ

Над миром парит
тишина, крадётся зверь —
пуста могила.

Кровь на алтаре.
Уносит ветер ночью
стон божьей жертвы.

Безумный хаос,
тропа к трону твоему —
«Некрономикон».

Сакура цветёт,
чёрные лепестки – здесь
проклятие спит.

Я вижу тени —

это души мертвецов
улетают в ад.

Смрад преисподней,
алые следы в грязи —
здесь демон прошёл.

В омуте тех глаз —
пустота, из их глубин
смерть выпила жизнь.

АНТОН ФИЛИПОВИЧ

Кайдзины идут.
Пылает твердь земная
от поступи их.

Смотрю на себя
вырванными глазами.
Блин, ну и рожа!

Рёв бензопилы.
Бежит в ужасе нечисть.
Эш снова в деле!

Бугимен в шкафу
вечеринку устроил.
Не могу уснуть.

«Вкусно – и точка», —

доедая мозг мужа,
сказала жена.

Прыгает сестра
через кишки братика,
как на скакалке.

Белое платье.
Висит в петле девушка.
Невеста ветра.

Три лапы, семь глаз,
две пасти, крылья и хвост.
Что ты такое?

Тянутся ко мне
кривые руки из тьмы.
Нет! Хах! Щекотно!

Летит по небу
старуха в ступе с метлой.
Сказки не ввали.

Лес пожирая,
растёт, словно опухоль,
город-убийца.

Песнь мёртвых чаек
над океаном скорби
услышь, безумец.

Пчела-людоед
утащила ребёнка.
Хохочет, жужжит.

Город в панике!
Бродит среди улиц дом-монстр.
Жрёт и давит всех.

Торчат из снега
сотни рук и ног в крови.
Лавины улов.

Под полной луной
собирает цветы тьмы
девочка-призрак.

На мёртвом коне
мчится, разрывая ночь,
гонец из Бездны.

Расставшись с телом,
покатилась голова.
Грусть в глазах её.

Падает с неба
плоть мёртвых снеговиков.
Детям на радость.

Всё! Надоело!
Призвал Санта Сатану
себе на смену.

Лопнула струна
на Арфе Безвременья.
Погасли звёзды.

НИКА ПРИСТАВКА

Красный снег летит.
Сердце сквозь пальцы течёт.
Весна настала.

АНДРЕЙ ЛОСКУТОВ

Рыбки пляшут на
дне морском, пиратские
кушая пальцы.

Души ринулись
в путь. Господь их жилища
разрушить решил.

Шесть тысяч душ ждут
переправы у Стикса.
Паромщик в шоке.

Друг мой погибший,
я всё тебе расскажу,
когда встретимся.

В аду иль в раю —

уже неважно когда —
накрыли крышкой.

Пепел и дымка
на поляне у леса —
сгорает душа.

Хохочет карга,
в чёрном котле мешая
из деток компот.

В сеть появился
призрак старого друга.
Он снова онлайн.

Мёртвое лицо
вновь в толпе пешеходов.
Так это же я.

Крылатая тварь
в темноте притаилась,
рыщет и воет.

Шорох слышал
на заднем сидении.
Не обернулся.

В грязном зеркале
стоит за моей спиной
зловещая тень.

В вентиляторе
пальцы чьи-то застряли.
Готовим супец.

В твистер играли
среди минного поля.
Вдруг встал не туда.

Отражение
шепчет: «Ты – лишь подделка!» —
шагнув из стекла.

Сына божьего
приколотили к столбу.
Сатана в шоке.

Головную боль
надёжнее всех лечит
топор палача.

Авто катнули
под пресс, забыв посмотреть,
что в багажнике.

Жаримся в пекле.
Кондёр наш сломан давно.
Ад в кабинете.

Жёлтые зубы
старухи седой жрали
смачно Серёжу.

Ветер позвал за
собой меня, разметав
по кладбищу прах.

На трудах мёртвых
много заработали
издатели книг.

К постели твоей
тихо ползут пауки.
Спокойной ночи!

Среди колосьев
хлебных бредут мертвецы.
Их крики слышны.

На наших полках
хранятся носы. Никто
больше не лезет.

Давай вдарим по
классике! Вий вдруг поднял
Гоголю веки.

У поленницы
среди дров нашлись кости
старых хозяев.

На дне стакана
плавал глаз – соседushка
был очень вкусным.

Жарится в печке
старый мой друг. Не стоит

его призывать.

Жую Алёнку.
Странный привкус какой-то
у шоколада.

Марь Ивановна,
мёртвым сзади не видно!
Подними веки!

Клоуны ведут
хоровод, осторожно
спускаясь в пекло.

Крышка могилы
вдруг внезапно открылась:
я вылез на свет.

Чёрные чулки

на элегантных ножках.
В багажнике – труп.

Посёлок ожил,
когда пришёл некромант.
Весело стало.

Браслеты из глаз,
сапоги из подруг ей
чудесно идут.

На полке меж книг
скачет лохматая тень,
кушая пальцы.

Рядом блондинка
в машине со мной. Очень
жаль, что не дышит.

Они умерли —
отец, мать, брат. Не стоит
пить из колодца.

Рыли котлован
на могилах ацтеков,
выпустив хаос.

Людской конвейер:
выпадет один винтик —
заменит другой.

Концерт кончился,
когда толпа сожрала
барабанщика.

Под лунным светом
танец живых мертвецов,
маскарад теней.

Совещание
в доме призраков. Живым
сюда хода нет.

Чарующих дев
вижу порой в зеркале.
Ненавижу их.

Скелеты в шкафу
заговорили – во тьму
заманят опять.

Под мусорный пресс
робот швыряет мешки.
Последних людей.

Посреди углей
вдруг заметил я лицо
своего деда.

Пиратский корабль
мертвецов полон, что всё
ещё рвутся в бой.

Под Колизеем
тени гладиаторов
продолжают бой.

В волосах скачет
мелкая тварь, частенько
покусывает.

Лицо в небесах.
Смерть бдит из небытия,
всех вас дожждётся.

Зарыли друга.
Смотрю, а он был онлайн
минуту назад.

Раздвоения
нет у меня. Я просто
немного другой.

Два ноготочка
в розетке торчат – урок
будет усвоен.

Топор палача
зависает надо мной.
Уже не больно.

Слепые ведьмы
в напёрстки играли на
единственный глаз.

Закапал глаза
кислотой, чтоб больше мир

ЭТОТ НЕ ВИДЕТЬ.

Посреди поля
рядком стоят пугала
бывших пастухов.

Твори, тварина!
Сзади притаилась и
шепчет злая тень.

Мы одиноки
среди пучины бедствий.
Богам наплевать.

Мясо на сетке
среди других шашлыков.
Вертится братец.

Разбил стёкла и

вскрыл осколками вены
принц зазеркалья.

Ходим по костям,
ушедших забывая.
Забудут и нас.

Отравил баки
продавец газировки.
В добрый путь, детки.

Вырезал печень,
сунул её в банкомат —
долги погасил.

В окно стучится
чёрная тень, жрёт она
меня каждый день.

Плавают глаза
в кипящем бульоне – нет
лучше лекарства.

Ручки и ножки
вырвали мне – хорошо,
что я не живой.

Ведьма на сдачу
вызвала призрак деда.
Он был мне не рад.

Странно и грустно,
когда переезжают
тебя пополам.

– Здесь – храм науки! —
перезарядив ружьё,
рявкнул учитель.

Во мраке ночном
растревожены мысли.
И нет им конца.

В забытых книгах
мёртвые страницы вдруг
резко ожили.

Кружатся мухи
надо мной – видно уж всем,
что я не живой.

Спи, моя детка,
усни, завтра проснёшься
по шею в крови.

Среди камышей,
мерзко чавкая, ведьма
жуёт малышей.

— Выпусти меня, —
прошептал мерзкий голос
в моей голове.

Мёртвые листья,
кружась, опадают на
проклятый город.

Виделось мне во
тьме отражение, но
это был не я.

А мне бы в небо
между облаков искрой,
мелькнув, растаять.

Варятся люди
в огромном котле. Дьявол
их вилкой вертит.

Смог стоит и гарь.
Тень накрывает город,
горит торфяник.

Щёлкают чьи-то
кости, жарко топится
огромная печь.

«Великолепно!» —
распихав детей в мешки,
шептал Дед Мороз.

Отчаяние,
страдания и смерть ждут
всех в конце пути.

Карга затихла.
Маньяк опустил топор

и любовался.

Последний жетон.
Драка в метро. Всё равно
вам не уехать.

Вечерняя мгла
окутала лес. Теперь
не найти выход.

Сотканы миры.
В них картинка из боли.
Доволен творец.

Под кромкою льда
надёжно скрыты лица.
Спокойного сна.

Мёртвый пёс пал у

моих ног, и целый рой
блох побежал прочь.

Алые снега
вдоль опустевших улиц.
Мрачная зима.

Кальян курили
мертвецы, набив в чашу
свежего мяса.

Под землёй тесно.
Откроются могилы —
конец настанет.

Ледяная мгла
надёжно хранит тайны
утопленников.

В торговом центре
живые манекены
с вас кожу сдерут.

Божественный люд
спустился с грешных небес,
и начался пир!

Попутчик мрачен.
Смотрит на мой арбалет.
Смерть вурдалаку!

Оскалив клыки,
вампир двинулся к солнцу —
жить надоело.

Падающий снег
как пепел поглощает
огненный город.

Слушаем мёртвых,
смотрим на мертвецов, а
они видят нас.

Мыслей уже нет.
Грусть накатила волной.
В ящике тесно.

Надпись на гробе:
«Лежит давний друг. Лишь бы
он не проснулся».

Злобные хайку
разлетятся по свету.
Прочтёшь и умрёшь.

МАКСИМ ГОРЕНСКИЙ

Красная капля
подушку испачкала.
Рассвет и слабость.

Сотник приказал
три ночи дочь отпевать.
Из гроба встала.

СВЕТЛАНА ЯКУБА

Мой лик навечно
в памяти твоей теперь.
Повесишь в рамку.

Накрыло волной!
О! Какое блаженство!
Кровь слаще мёда!

Видят, мутнея,
круги на воде. Глаза
утопленника.

Обнимет крепче
самых нежных, сильных рук.
Петля в коморке.

Разрушенный мир.

Нет бедных и богатых.
Почти как мечтал.

Спи, моя радость!
Рассвет помирят плаху
и острый топор!

Грусть твоя сильна,
но выход будет найден.
Выход из окна.

Он всегда хвалил
её красоту и вкус...
Особенно «вкус»!

– Дети уже спят,
не буди, – сказал он ей,
вытирая нож.

Играли в «войну».
Он снял ружьё со стены.
Бах! Нужен ремонт...

Уставший путник
нашёл хижину в лесу.
И страшную смерть...

Туман и листва
укроет тело в лесу.
Обед для зверья.

В шуме ветра – стон.
Зов смерти так ласкает
мой слух. Я иду.

Отмою легко
соляной кислотой
грязь с твоей души.

Древо на холме.
Обняли корни скелет.
Тебя не найдут.

Беру свой тесак.
На охоту собрался.
Дрожите, «свинки»!

Обнимал всю ночь.
Целовал нежно руки.
Головы-то нет.

В пыльном подвале
под грудой тряпья уж год
твой череп храню.

Мухи слетелись.
Отныне в твоём теле
будут пировать.

Любовника в шкаф
спрятала и мужа жду.
Пусть труп расчленит.

Огни городов
манят толпы мертвецов.
Антихрист призвал!

В детской комнате
не скучно. Кошмар ожил.
Папа отдохнёт.

Портрет Мадонны
пишет мёртвый художник,
кисть макая в кровь.

Инсталляция.
Произведение моё.
Любуюсь ночью.

Накорми её.
Она плотоядная.
Ты ей по вкусу.

Комната пуста.
Брожу по дому один.
Сколько же я мёртв?

Смерть – эстетика
боли. Только истинный
ценитель поймёт.

Ангел и демон
вдруг слились воедино,
и родился я.

Беги, Алиса
за кроликом. Догонишь —

ты в Преисподней.

Любовь – отравы.
Яд вдохну и смерть тогда
явится Раем.

В доме был пожар.
Никто не пострадал бы,
но я их связал.

Век в глаза глядеть
твои мечтал. И теперь
ношу с собой их.

Мне сто десять лет.
Но тело запасное
в подвале прячу!

Рассвет последний.

Мир больше не воскреснет.
Завидуй трупам.

«Фотка стрёмная!» —
подумал он, стоя у
своей могилы.

Ты убил меня
в среду. А в воскресенье —
я тебя. Месть зла.

Наконец ты внял
моим мольбам и бросил
пить, курить и жить...

Мама с коляской
и самосвал с гравием.
Их встреча — злой рок.

Холодной ночью
тепло твоё мне снится,
то что я отнял.

Мясник на бойне
тушу жены снял с крюка.
Была неверна.

Ей было семь лет...
Ему дали семнадцать.
Зря смерть звал весь срок.

– В зеркало глянь-ка.
Что там, в отражении?
– Увы. НИ-ЧЕ-ГО.

Пространство сжалось.
Время остановилось.
Взрыв ядерных бомб.

Мир – Крематорий!
Людишки – жалкий пепел.
Я – Ангел Смерти.

Ты – аперитив.
Она – главное блюдо.
А сынок – десерт.

В аду прохладней
стало – даже дьявола
ты утомила!

«Девушка в красном».
Песни звук. Ирония.
Ты в луже крови.

Кроваво-алый
закат – осень убила
тёплое лето.

Он ищет жертву.
Милый старичок с очень
опасной бритвой.

Их будит гроза.
У них клыки и когти
на восьми руках.

В разных вселенных
горят наши души – боль
объединяет.

Ночные байки
у костра в жизнь воплощу.
Покойтесь с миром!

Палатка в горах
вся разорвана в клочья.
Шатун будет сыт.

Спешил домой, но
скорость превышал ты зря.
Итог: шесть трупов.

Горбатый карлик
нёс в мешке добычу, а
мать искала дочь.

Свет фар. Удар. Боль.
– Очнись, сын, – будила мать —
та, что год мертва.

Лучше музыки —
заглушающий вопли
рёв бензопилы.

Костёр взметнулся
до небес – горят грехи

и тонкий стан твой.

Человек — звучит
гордо, но беспощадно.
Бог ошибся в нас.

Чудный мотошлем.
Вытряхну голову и —
вот он, как новый.

Боюсь умереть.
Души убиенных мной
там ждут расплаты.

Со дна морского
вижу корабли, людей.
Гляжу им в след. Грусть.

Он просил «руки

и сердца», а отобрал
глаза и душу.

Отчаянья жест.
Улыбка в лицо смерти.
Прыжок. Укус. Тьма...

Внучат кормила
крысиным ядом бабка.
«Пуцай не шумят!»

Пентакль на полу,
семь мёртвых ведьм по кругу.
Успел охотник.

Ванну наполню
кровью врагов. Купаюсь
и пью вашу смерть.

Порождение тьмы —
мой любимый. Жду каждый
год я Хэллоуин.

Прости, забыла
полить цветок над гробом.
Не злись, исправлюсь.

На рассвете звон
колокола возвестил...
Вот казнь колдуна!

Боль мне рвёт душу!
Был брат, теперь – груз двести!
Где справедливость?!

Конец идей для
хоррорку... Сгоняю в морг —
повдохновляюсь.

АНДРЕЙ БОРОДИН

Бог пробудился.
Страшен очей его взгляд —
солнц двух пламёна.

Грезящий в Н'кай!
В чёрной утробе своей
меня сохрани!

Боже, как много!
Двигутся к дому сквозь сад

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.